

О. Н. Трубочев

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ПРАСЛАВЯНСКИЙ СЛОВАРЬ (опыт параллельного чтения)

В декабре 1974 г. почти одновременно вышли впервые в своих странах два словаря — «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», вып. 1 (А — **besědъlivъ*) в Москве и «*Słownik prasłowiański*», tom I (А—В) в Кракове (точнее — в издательстве «Ossolineum» Польской Академии наук). К настоящему времени (октябрь 1977 г.) опубликованы четыре выпуска Этимологического словаря (буквы В, С, Ѓ и начало D) и II том Праславянского словаря (буквы С, Ѓ и начало D). Сдан в набор вып. 5-й Этимологического словаря (буква D до конца) и подготовлен вып. 6-й (буквы Е, Ё, Ё и начало G). Работа польских коллег также продвигается вперед. Началу публикации обоих словарей предшествовала подготовка, занявшая немало времени. Вот уже шестнадцать лет работает коллектив Этимологического словаря в Москве, и более двадцати лет тому назад была начата подготовка Праславянского словаря в Кракове. Даже при самых благоприятных обстоятельствах публикация обоих словарей продлится еще ряд лет. Составители обоих словарей начали эту работу в относительно молодом возрасте. Можно сказать, что опыт, зрелость, тяготы и утехи лексикографа-этимолога они познали в процессе собирания материалов для словаря, а затем создания самого словаря. Обе группы ученых могут поэтому с полным правом назвать эту работу делом своей жизни. Идея параллельной работы двух научных коллективов, как по методу, так и по результатам небезынтeресной для более широкой научной и читательской аудитории, побудила меня предпринять этот небольшой опыт параллельного чтения, несмотря на все колебания и сомнения в своевременности «*Βίοι παράλληλοι*» в данном случае. Правда, в роли объективного Плутарха недавно выступил проф. Ф. Копечный, подвергнув сравнительному анализу первые части обоих словарей¹, и его пример действует до некоторой степени ободряюще.

¹ Фр. Копечный. О новых этимологических словарях славянских языков. — ВЯ 1976, № 1, стр. 3 и сл.

Современная наука не проходит мимо таких вопросов, как условия работы лексикографа и личность лексикографа, поэтому необходимо сказать в двух словах о группах составителей обоих словарей. В науке, как в спорте, не последнюю роль играет сплоченность и стабильность состава команд². Так, что касается «московской команды», то основной состав сотрудников неизменен: О. Н. Трубочев, В. А. Меркулова, Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина, И. П. Петлева, Т. В. Горячева (с 1971 г. — Г. Ф. Одинцов вместо Л. А. Гиндина, перешедшего на другую работу). «Краковская команда» в гораздо большей степени отличается тем, что у нас называется «текучесть кадров». Вот что об этом пишет проф. Ф. Славский: «W ciągu lat zespół ulegał poważnym zmianom»³. Умер Т. Лер-Славинский, по инициативе которого была начата работа над Праславянским словарем, отошли от работы над этим словарем З. Голомб, К. Полянский и Р. Лясковский; Л. Беднарчук, Ю. Речек, Е. Русек, С. Стаховский и некоторые другие, как говорит Славский, принимали участие «dorywczo» (спорадически). Из старых составителей словаря, оставшихся в коллективе, надлежит выделить самого Ф. Славского и Т. Шиманского, из тех, кто пришел позже, — В. Борыся. Отсюда следует, что над Праславянским словарем (сравнительно с Этимологическим словарем славянских языков) работало в течение более продолжительного времени почти вдвое большее количество людей, состав которых при этом часто менялся. В настоящее время в коллективе каждого из двух сравниваемых словарей насчитывается примерно поровну реальных сотрудников-составителей (7—8 человек). Два слова о самих сотрудниках. В польской группе ученых наиболее активную и давнюю исследовательскую работу по славянской этимологии в течение последних тридцати лет ведет проф. Ф. Славский. Такие специалисты по сравнительной грамматике и этимологии, как З. Голомб и К. Полянский, отошли от Праславянского словаря уже достаточно давно. В нынешнем составе краковского коллектива работает ряд хороших специалистов по славянскому историческому словообразованию: например, В. Борысь и Т. Шиманский, но их этимологические исследования возникли на базе первоначальных историко-словообразовательных. Мне кажется существенным отметить, что московская группа ученых, работающих над подготовкой Этимологического словаря славянских языков, с самого начала посвятила себя этимологии. При этом, правда, не обошлось без индивидуальных особенностей и направлений исследования, что в таких случаях естественно и — в зависимости от уровня разработки — даже полезно для общего дела. Так, В. А. Меркулова имеет

² Спортивными моментами в оценке нашей деятельности я также обязан уважаемому проф. Ф. Копечному, который пишет в чешском варианте статьи о «краковской команде» и «московской команде» («moskevský team»).

³ Słownik prasłowiański I, стр. 11 (Wstęp).

склонность к исследованиям по чисто лексической этимологии (слова, их значения, подчеркнутый интерес к миру реалий), тогда как Ж. Ж. Варбот преимущественно работает в морфонологически и словообразовательно ориентированной реконструкции и этимологии. Обе исследовательницы добились определенных успехов, и это находит отражение в Этимологическом словаре. Нужно упомянуть работы по выявлению древних лексических ареалов и критериев их распознавания (Л. В. Куркина), по этимологии с учетом семантической типологии (И. П. Пеглева), продолжение работ по тематическим группам лексики (Г. Ф. Одинцов, Т. В. Горячева).

Зачем делается Этимологический словарь славянских языков? Его цель — реконструкция древнего словарного состава языка славян приблизительно конца так называемой праславянской эпохи, т. е. незадолго до появления письменности у славян. Та же в общем цель стоит и перед Праславянским словарем, издаваемым в Кракове, с той разницей, что в нем этимологии отведена более скромная роль критерия отбора и реконструкции праславянской лексики, а в Этимологическом словаре славянских языков этимология или этимологизация — одна из двух важных задач всего труда, что выразилось и в различной трактовке этимологической проблематики в обоих словарях, и это было замечено критикой. До сих пор еще высказывается мнение, что этимологический словарь славянских языков должен толковать происхождение всех слов подряд, включая поздние местные заимствования в отдельных современных славянских языках. Так еще недавно думал наш уважаемый коллега проф. Ф. Копечный, считавший, что такой словарь (вроде Славянского этимологического словаря Э. Бернекера или нового «Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen» Л. Садник и Р. Айцетмюллера) лучше, потому что «больше дает» (našízí víc). В последние годы, кажется, Ф. Копечный стал благосклоннее судить о смысле ограничительного отбора лексики праславянского периода, сближающего московский и краковский словари (в отличие от максимального охвата, провозглашаемого Копечным и его коллегами в работе над их этимологическим словарем, который продолжает упомянутые принципы Бернекера и неосуществленные замыслы его чехословацкого продолжателя Й. М. Коржинека, почему и предприятие чехословацких коллег, также начавшее выходить в свет⁴, мы здесь намеренно оставляем в стороне). Я имею в виду сочувственные слова из доклада Ф. Копечного на симпозиуме по славянской этимологии 1972 г. в Лейпциге, сказанные именно по поводу московской и краковской работ: «Es ist eine beschränktere, trotzdem sehr nützliche Arbeit — und in der Beschränkung zeigt sich

⁴ Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek 1. Předložky. Koncové partikule. Tento svazek sestavil F. Kopečný. Praha, 1973. — См. мою рецензию. — «Этимология. 1974». М. 1976, стр. 175—177.

der Meister»⁵. Да и что значит характеристика «больше дает» (*nabízí víc*) применительно, скажем, к словарю Бернекера, если приглядеться к ней пристальнее. Возьмем наугад раскрытые страницы 52—53 I тома этого словаря начала нашего века: **berstrъ*, *berza*, *besěda* (бесспорно праславянские слова), сразу за ними идут *běstija* (с.-хорв. из итал.), *bešik* (болг. из тур. 'колыбель'), *běšika* (с.-хорв. из рум. *beșică* 'пузырь'), *běšter* (словен. 'бодрый' из итал. *destro* 'прямой; проворный'), *běteg* (с.-хорв. 'болезнь, недуг' из венг.). Соседство этих последних заимствований и вышеупомянутых праславянских исконных слов — иллюзия, поскольку этой поздней лексики не было в древнем языке славян, на который в общем был ориентирован и словарь Бернекера. У поздних заимствований своя сложная проблематика и ей место в этимологическом словаре отдельного славянского языка. От археолога, копающего курганы скифского времени, никто ведь не требует описания стреляных гильз, оставшихся на поверхности земли от войн нового времени.

Более подробная характеристика принципов московского Этимологического словаря славянских языков уже давно опубликована мной, см. «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи», вышедший в 1963 г. и получивший отклики в печати разных стран. Позднее была опубликована статья «Работа над Этимологическим словарем славянских языков» («Вопросы языкознания» 1967, № 4) — текст моего доклада на I Международном симпозиуме по славянской этимологии в январе 1967 г. в Москве. В последнее время принципам нашего Словаря или, вернее, подтверждению принципов, выдвинутых ранее, было посвящено предисловие «От редактора» к 1-у выпуску Этимологического словаря. Теоретическими работами в том же направлении являются мои доклады о составе праславянского словаря, т. е. лексики, для V (Софийского) и VI (Пражского) международных съездов славистов. О подготовке и проблематике Праславянского словаря в Кракове также накопилась специальная литература: *Zeszyt gróbný* 1961 г. и ряд статей покойного Т. Лер-Сплавинского, нынешнего руководителя Ф. Славского, а также К. Полянского и З. Голомба, см. сведения в томе I «*Słownika prasłowiańskiego*» (стр. 11).

Параллельное чтение, или контрастивная характеристика двух наших словарей кажется нам полезным (полезной) не только для лучшего понимания особенностей самих словарей, но и для того, чтобы составить представление о самом предмете — лексике праславянского языка и его диалектов. При этом некоторой гарантией объективности результатов (особенно результатов совпадающих) служит то обстоятельство, что оба словарных коллектива в Москве и Кракове работают совершенно самостоятельно.

⁵ «*Slawische Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig 11—13. 10. 1972*». Bautzen, 1975, стр. 143.

Как составлялись эти словари?

Методические приемы работы сильно отличались у советских и польских лексикографов, хотя есть вероятность, что в ходе дальнейшей работы, а также изучения взаимного опыта по опубликованным частям обоих словарей различия сгладятся. Первоначально весьма отличались даже самые принципы эксцерпции словарного материала, поскольку краковские слависты, например, регулярно расписывали как источники этимологические словари, что в принципе исключалось при работе московского коллектива, перед которым с самого начала была поставлена задача брать материал по возможности из первоисточников⁶. Напомню, что теоретическая концепция московского Словаря основана на новом в славистической науке положении об автономности праславянских состояний лексики славянских диалектов; важнейшим оперативным понятием признается праславянский лексический диалектизм. Праславянский словник (индекс) Этимологического словаря не является для нас заданной величиной. Иными словами, нам всегда была чужда практика, при которой бы сначала задумывалась или выводилась праславянская форма, к которой мы потом подбирали бы подтверждающие свидетельства из словарей языков и диалектов. Казалось бы, это тоже неплохой путь — взять какой-то обобщенный словник (по извлечениям из Миклошича, Бернекера, Траутмана) за основу, а затем хорошо проверить его по большому числу словарей обычного типа. Однако речь идет о вопросе принципиальном, потому что даже самая хорошая последующая проверка и доборка не освободит до конца такой праславянский индекс от априорности и заданности. И наоборот, — элемент открытия, объективизации показаний лексики, мне кажется, в большей степени обеспечивает следующая в общем очень простая и тем не менее новая методика, которая у нас соблюдалась с первых дней совершенно неукоснительно: для каждого славянского языка (живой славянский язык — величина, с точки зрения праславянского, конечно, далеко не абсолютная, но все же опора на живой славянский язык, «опрокидывание» нынешних диалектных данных на праславянский, или, как сейчас сказали бы, моделирование праславянской лексики по лексике живых языков и диалектов — это был шаг вперед на пути преодоления устоявшейся в славянском языкознании концепции праславянского монолита) — для каждого отдельного славянского языка делался «свой» праславянский индекс, для чего на карточку выписывалось слово, его значение и вся документация, а в левом верхнем углу карточки наносилась контрастно (т. е. попросту карандашом) праславянская реконструкция данного

⁶ Из всех остальных сравнительно-этимологических словарей славянских языков, которые подготавливаются сейчас в Польше, Чехословакии и ФРГ (см. выше), наш Словарь — пожалуй, единственный, который систематически использует также данные неопубликованных архивов и рукописных картотек.

Слова с возможным учетом всех его индивидуальных словообразовательных и формальных черт (именно эта практика, если, конечно, проверка потом не перечеркивала «сепаратность» такой реконструкции, подарила нам немало новых, свежих праславянских словарных позиций). Это еще не было словарем всего Словаря; последний надлежало получить путем сведения праславянских словариков для белорусского, польского, старославянского и т. д. На этом этапе наша картотека как бы «заговорила» сама, и это было самое интересное. Напрашивается шутовская аналогия с машиной, «черным ящиком», в который закладывается обрабатываемый материал (input) и затем получается ответ. В нашем случае output (ответ, решение, данные «на выходе») был как раз праславянский словарь (индекс) в масштабе всего славянского. Конечно, на практике все было не так-то просто, мы могли неточно оценить «праславянскость» того или иного реального слова (а часто так оно и случалось) и лишь потом обнаруживали лакуну на стадии «выхода» (output), возвращались к исходным данным, добивали недостающее. По-прежнему много решала компетенция, интуиция и другие, часто личные качества человека, который выполнял ту или иную задачу более удачно или менее удачно. И все-таки главное оставалось: праславянский словарь как реконструкция во второй степени, непредвзятая итоговая картина, объективизация показаний Словаря.

Хотелось бы подчеркнуть единство этой концепции, от которой мы не отступили ни на iota. Вышедшие I и II тома Праславянского словаря польских коллег позволяют сделать наблюдение, что они много поработали со времени выхода своего скромного «*Zeszyta próbnego*», весьма расширили материал и базу источников, все новинки славянской диалектной лексикографии привлекаются ими оперативно. Однако я бы затруднился определить их четкую теоретическую концепцию и соответствующую ей практическую методику. Я бы сказал, что у краковских составителей Праславянского словаря есть тенденция к нарастающей агломерации материала (читатели «Этимологического словаря польского языка» Ф. Славского, наверное, уже заметили там эту тенденцию в последних томах). Включаются в праславянскую лексику многочисленные междометия и звукоподражания⁷, чтобы убедиться в этом теперь, достаточно заглянуть в том II на букву *C*; избыточно даются деминутивы, праславянскому лексическому диалектизму в краковском труде теперь отводится видное место, что едва ли можно было сказать о первоначальной концепции Лер-Сплавинского. В свое время я высказал предположение, что около четверти праславянского лексикона могли составлять старые лексические диалектизмы ограниченного распростране-

⁷ Ср. то, что пишет Ф. Копечный (ВЯ 1976, № 1, стр. 11) о реконструкциях *achъ, achati, achъkati* в «Праславянском словаре»: «Разумеется, праславяне, как и большинство других людей, каким-то образом *ахали* и *ахкали*, но вопрос в том, произносилось ли это *ax* с редуцированным».

ния. Из «Вступления» к I тому краковского Праславянского словаря мы узнаем, что примерно на 900 словарных статей на А и В около 400 (почти половина!) признается несомненными диалектизмами. Никогда еще оценка праславянских лексических диалектизмов не достигала такой критической величины.

Праславянский словарь, согласно данным Ф. Славского, имеет в своем томе I около 900 словарных статей на А и В, Этимологический словарь славянских языков на те же буквы дает в трех своих выпусках 1592 праславянских словарных позиции (при полном отсутствии ссылочных статей, которых, как известно, в Праславянском словаре немало). Ф. Копечный в упоминавшемся сравнительном анализе первых частей наших словарей дотошно подсчитывает в страницах и даже в количестве строк, насколько московский словарь подробнее и обстоятельнее краковского. Это действительно так. Во 2-м выпуске Этимологического словаря, еще не известном Копечному в момент написания им статьи, например, материал предлога-приставки *bez* занимает около 48 страниц текста, в том числе 164 словарных статьи (отсылочных нет), а Праславянский словарь отводит для *bez* и сложений с ним всего около двух страничек, иначе говоря — 9 статей вместе с отсылочными. Любопытно провести сравнение трактовки такой небольшой и удобообозримой буквы, как С (выпуск 3-й Этимологического словаря, стр. 171—199, и том II Праславянского словаря, стр. 63—101). Первый результат сравнения озадачивает: в противоположность сказанному выше, у поляков насчитывается 127 статей на С, у нас — 81, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что из 127 словарных статей на С Праславянского словаря 48 — отсылочные! Поскольку в нашем Словаре отсылочных статей нет и на этот раз, остаток — 79 основных статей на С в краковском словаре приближается к нашему количеству (81 статья). Поучительно и дальнейшее сопоставление трактовки слов на С в нашем и краковском словарях. Отрадно, что значительная часть старого словника при этом у них и у нас совпадает, но одновременно выступают и серьезные различия (в польском словаре затушеваны отглагольные имена на *-dlo*, некоторые слова отсутствуют, сомнения вызывает правильность отдельных праславянских реконструкций, например *civkati*, но ср. *cupъkati*, странное впечатление производит целая колонка отсылок *cvělitì zob. kvělitì, cvětiti zob. květiti, cvětъ zob. květъ* и т. д., но ведь сочетание *cvě-* вообще не должно было попасть в праславянскую реконструкцию). Много и здесь у них дано междометной лексики, причем ряд примеров с последовательностью звуков *cu-*. Но праславянское *c* — звук строго позиционный, и для этой эпохи его нельзя без оговорок абстрагировать от условий его возникновения — вторая палатализация *k* перед *ě* из дифтонга. Это делает сомнительными и непраславянскими в наших глазах все эти *cu!*, *cucati*, *cuscъkъ*, *cukati*, *cupati*, *cupъ!*, *cupъkati* («Słownik prasłowiański», t. II, стр. 95—98). Специально об историко-фонетических проблемах

реконструкции праславянской лексики на С начальное я говорил в своем докладе на VII (Варшавском) Международном съезде славистов.

И все же несмотря на объективные подсчеты Копечного и мои собственные наблюдения, говорящие как будто о том, что в нашем словаре статьи в среднем обширнее и насыщеннее материалом, чем в краковском словаре, я хочу вернуться к высказанному вскользь выше моему впечатлению о тяге к излишней агломерации материала, против которой хотелось бы предостеречь польских коллег. Во всяком случае в другом труде Славского — его польском этимологическом словаре — она уже начинает ощущаться как определенный недостаток и перерастание словарных лимитов. Буква С в Праславянском словаре уже превзошла по объему соответствующий раздел в нашем 4-м выпуске. Лексикографический труд под названием «Праславянский словарь» — это не тезаурус (греч. *θησαυρός* 'сокровище', 'сокровищница'), где «всего много», его составители должны, как мне кажется, стремиться достичь в нем адекватного соответствия довольно строгому лексикографическому понятию словаря-реконструкции, а не словаря-коллекции. Очень большая избыточность так же исказит первичную картину, как и неполнота.

Я говорил уже о целях Этимологического словаря славянских языков и Праславянского словаря. А теперь необходимо сказать о научной пользе обоих этих словарей. Учение о праславянском словарном составе — часть науки о праславянском языке, которая в современном славяноведении окружена атмосферой острого интереса (достаточно вспомнить программу последнего международного съезда славистов в Варшаве). До недавнего времени сравнительное славянское языкознание, во-первых, исходило из постулата изначального единства праславянского языка на всех уровнях, а во-вторых, проповедовало вторичность диалектной дифференциации праславянского, причем изучались фонетические, отчасти — морфологические различия, а о древних лексических различиях не говорил никто. Работы по подготовке Этимологического словаря славянских языков и Праславянского словаря, а также некоторые другие современные исследования показывают сложность праславянского языка именно на лексическом уровне, изначальный характер многих различий и локальных изоглосс лексики праславянских диалектов. Праславянский лексический диалектизм в принципе может быть старше самого праславянского языка. Коротче говоря, с выходом обоих наших словарей концепция древнейшей славянской лексики неизбежно подвергнется пересмотру.

Вместе с тем праславянский словарный состав остается вещью искомой. В двух сравниваемых нами словарях мы получим лишь наиболее достижимую модель праславянской лексики или, точнее, две модели, потому что словники обоих словарей совпадают далеко не во всех случаях. Совпадение было бы большим, если бы

праславянский словарь (индекс) комплектовался из одних непроданных слов, но такой словарь был бы далек от реального лексикона живого праславянского языка, который не мог функционировать без значительного числа производных и сложений. Современная наука, изучающая язык, историю культуры и этногенез славян, заинтересована в воссоздании реалистической модели праславянского словаря. Мне кажется, что эту задачу мы и польские коллеги одинаково правильно понимаем, но невольно расходимся в деталях трактовки и подачи производных форм, потому что это трудный путь. И у них, и у нас здесь возможны пропуски. Ф. Копечный насчитал в I томе краковского словаря около десяти пропущенных старых непроданных и этимологически самостоятельных слов. В свою очередь, я должен признать, что обнаружил в нашем Словаре пропуск, например, производных *besědъnikъ* и *besědъnъ*, фиксируемых Праславянским словарем.

Некоторая априорность в подходе польских коллег к материалу выразилась, например, в том, что словарю у них предпослан очерк праславянского словообразования. Но для того чтобы создать качественно новый очерк праславянского словообразования, надо сначала сделать полный праславянский словарь, а затем на его базе — обратный словарь праславянского языка, который покажет состав всех словообразовательных моделей⁸. Содержащийся в I томе Праславянского словаря и продолжающийся во II томе «*Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego*» принадлежит перу Ф. Славского. Этот очерк содержателен и полезен, но он не дает новых материалов и обобщений по описанным выше причинам. Отдельные новые авторские оценки и интерпретации нуждаются в проверке, как и категорические утверждения, например о том, что в праславянском было только одно слово с суффиксом *-oja*: *děvoja* (т. I, стр. 88). Их было по крайней мере несколько, а некоторая продуктивность сохранялась даже в послепраславянское время, ср. *Утрѡя*, название реки бассейна Псковского озера, которая в верхнем течении, на территории латышского языка, называется *Rīt-urpe* 'утренняя река', что позволяет членить русское название как *Утр-о-я*⁹. Нельзя также не видеть эластичной связи с производными на *-aja* местоименноадекативной природы и прежде всего — со ст.-слав. дѣка (Клоц., Супр.), вместе с которым **děvoja* противопоставлено субстантивному производному **děvica* (при первоначально адекативном праслав. **děva*). Если мы не учтем этих показаний, мы останемся в своем понимании словообразования формы **děvoja* там, где остановился Вондрак.

Решение задач славянской сравнительно-исторической лексикологии и лексикографии заставляет нас, таким образом, подни-

⁸ См. «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд.) Проспект. Пробные статьи», стр. 36.

⁹ О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства. М., 1959, стр. 115.

мать отнюдь не одни только этимологические вопросы, но и проблемы словообразования в широком, функциональном смысле, а равно и проблемы морфологической функции.

Не выходя за рамки корневой группы **dēva*, позволим себе высказать еще одно замечание — о праслав. **dēvica*, в толковании которого Славский (стр. 99 «Очерка») также предпочел остаться традиционным. В соответствии с трактовкой древнейших образований на *-ica* как расширений на *-ka* первоначальных индоевропейских основ ж. р. на *-ī*, восходящей к Розвадовскому (ср. действительно эффектный и, возможно, единственный удачный пример последнего: и.-е. **u_lk^ui*, др.-инд. *vrkī* 'волчица' — слав. **ublčica*), Славский рассматривает всю словообразовательную категорию с суффиксом *-ica* в праславянском. Обобщение рискованное и едва ли оправданное! Ведь для большинства производных это уже вполне сложившийся и продуктивный формант. Ф. Славский толкует слово **dēvica* из первоначального **dēvi*, отождествляемого с др.-инд. *devī* 'богиня'. Получается этимология, очень приятная для девушек, но при этом сомнительная и семантически, и формально. Семантически мы должны больше считаться с типологией значений: как, например, формируется значение 'девушка' в разных языках? Справки в словаре К. Д. Бака (A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages³. Chicago, 1971, стр. 90) достаточно, чтобы убедиться, что ни один из собранных там синонимов для обозначения девушки не этимологизируется из первоначального обозначения богини. Зато там дается ряд названий, о которых лучше всего можно сказать словами самого автора: «applied to the young woman as of exuberant physique». При этом есть примеры более проблематичные (греч. *παρθένος* 'дева': *εὐ-θενής* 'сильный, крепкий'), есть и вполне убедительные (кимр. *hogen* 'девушка' < **suk-* 'кормить грудью', ст.-слав. *дѣка*: *доити*, др.-инд. *dhayati*). Число именно этих параллелей может быть умножено, ср. др.-англ. *fæmne* 'дева', афган. *pəyla* 'дева' (< **payō-gatā*), сближаемые с названием материнского молока¹⁰. Такие этимологии не порочат честь девушки, а главное — они показывают, какой великолепный материал по истории идей («a contribution to the history of ideas») дает этимологическая наука, но об этом подробнее — в другом месте. Усомнившись в семантической стороне этимологии **dēvica*: *devī* 'богиня', мы не можем не видеть и ее формального несоответствия, так как др.-инд. *devī* 'богиня', *deva-* 'бог', лат. *deus* и т. д. продолжают корень с непридыхательным зубным и.-е. **dei-u-* 'дневной, небесный свет', а праслав. **dēva*, **dēvica* восходит к корню с зубным придыхательным и.-е. **dhe(i)-* 'кормить грудью'. Не менее важно то, что в праслав. **dēvica* суффикс *-ica* уже фигурирует в своей типично славянской функции субстантивирующего форманта первоначального прилагательного, ср. отношения **dēva* —

¹⁰ Ma y r h o f e r II, стр. 212.

**děvica*, **stara* — **starica*, **vъdova* — **vъdovica*. Ничего подобного мы не находим в др.-инд. *devī*, где *-ī* — показатель формы ж. р. от существительного м. р. Эти аспекты нельзя игнорировать в очерке праславянского словообразования и в праславянском словаре. Я не говорю уже о том, что праславянский суффикс *-ica* связан разнообразными отношениями прежде всего с праславянскими суффиксами *-icъ*, *-ikъ*, *-ьсь* и лишь через их посредство — с и.-е. *ī* суффиксальным, иначе мы не сможем понять специфики внутреннего славянского развития.

От современного очерка праславянского словообразования мы вправе требовать большей четкости фонетической реконструкции, чем у Миклошича, который сто лет тому назад еще не мог разграничить образования на суффикс *-l-* и на суффикс *-dl-*. Так, сейчас при поддержке кашубскословинских (т. е. западнославянских!) данных надо реконструировать праслав. **načędlo*, а не *načęlo* («Zarys», стр. 104), точно так же — **rydlъ*, а не *ryl'ъ* (стр. 105).

Этимологические частности я здесь опускаю, выделяя лишь то, что затрагивает целые категории лексики и словообразования и потому существенно для реконструкции праславянского лексического состава.

На типе словаря сказывается личность автора и, наверное, не может не сказаться его языковая принадлежность. Понятно, что краковский Праславянский словарь написан по-польски и адресован польскому читателю. Менее оправдано, с научно-славистической точки зрения, то, что в этом словаре обзоры соответствий всегда начинаются с польской формы. Это отнюдь не формальность, а нарушение традиции: обзоры родственных форм славянских языков принято начинать со старославянского (древнеболгарского и т. д.), потому что он ближе всего по древности своей письменной фиксации подходит к искомому праславянскому времени. Наш Этимологический словарь неуклонно следует этой традиции, рассматривая сначала старославянский и прочие южнославянские языки, затем — западнославянские и восточнославянские. Если иным критикам может броситься в глаза сравнительное обилие русского диалектного словарного материала в нашем Этимологическом словаре славянских языков, то надо иметь в виду огромность русской территории, русской народной лексики и литературы о ней, ср. хотя бы обширный «Словарь русских народных говоров».

Реконструкция, при помощи которой достигается восстановление праславянского лексического состава, может быть многообразной. Во-первых, это реконструкция фонетической формы праславянского слова, сфера применения наиболее точных достижений сравнительно-исторического языкознания. Можно сказать, что фонетическая реконструкция праславянского вполне сложилась уже лет 70 назад, она вполне удовлетворительно представлена уже в славянском этимологическом словаре Бернекера. Здесь

расхождения между нашим Этимологическим словарем и краковским Праславянским словарем сводятся к частностям (отдельные реконструкции в последнем элементарно несовместимы с обликом праславянского языка исследуемого времени, напр. *beskedъ* (т. I, стр. 217), где сохраняется непалатализованный задненебный перед передним гласным). Во-вторых, реконструкция словника (индекса). В-третьих, реконструкция древней акцентуации и, в-четвертых, реконструкция значения праславянского слова. В двух последних пунктах сравниваемые словари расходятся друг с другом. Праславянский словарь в принципе дает при заглавной праславянской форме также акцентуационную и семантическую реконструкцию, но первую из них — нерегулярно (из слов на А — только *asika*, *ǣstrǣbъ*), вторую, семантическую, он дает регулярно, но, строго говоря, ее нельзя назвать в полном смысле реконструкцией ввиду ее тавтологичности, так как реконструкция сводится к повторению значений засвидетельствованных слов или элементов этих значений. Если прибавить, что, кроме польского толкования значения праславянского слова, это толкование повторяется также по-латински, то это приводит в результате к неэкономному использованию места в словаре. Принципиальная сторона вопроса заключается в несравненно меньшей изученности семантической эволюции и неприменимости к ней мерок фонетической закономерности. Поэтому наш Этимологический словарь разграничивает а к т фонетической реконструкции и п р о б л е м у реконструкции значения слова, трактуя последнюю по необходимости как часть этимологического анализа или довольствуясь обзором значений слов.

Если фонетическая, акцентологическая и семантическая реконструкции принадлежат методике сравнительного языкознания, то лексическая реконструкция наиболее лексикографична, если можно так выразиться. Прогресс работ над праславянским словарем (лексикой) определяется именно уровнем лексической реконструкции. Во времена Бернекера (не говоря о Миклошиче) вопрос о лексической реконструкции в сущности еще не ставился: правда, восстанавливались целые праславянские слова, но методика их словарной подачи и анализа оставалась корневой, еще не чувствовалось специального лексикографического интереса к слову праславянского языка как потенциально живому слову, методика расчлененной подачи словника и особенно его производных слов была исключением, доминировал гнездовой, этимологический принцип. Теперь, когда мы довольно твердо знаем, что производное и производящее слова — равноправные единицы речи, что их разумнее трактовать как соотносительные и что отношения этих форм в славянском часто оказываются скорее воспроизводством словообразовательной модели, чем чистым актом словообразования, мы отдаем решительное предпочтение расчлененной, а не гнездовой подаче слов в нашем Этимологическом словаре славянских языков. Собственно, только сейчас можно говорить

о возникновении праславянской лексикографии и как разновидности праязыковой лексикографии, ведь то, что мы до сих пор знали и употребляли, например, как индоевропейский этимологический словарь, на самом деле представляет собой инвентарь корней и основ, а не слов.

Поэтому наше внимание привлекает в Праславянском словаре в первую очередь его словник, тем более, что для польских коллег, как и для нас, он является целью и главным результатом всего труда. Из одного лишь факта пропуска в Праславянском словаре слов **bezbordъ*, **bežčdъnъ* 'бездетный' (правда, там есть слово *bezdědъ* 'не имеющий деда'), далее — **bezgolъ*, **beznogъ*, **bezrogъ*, **bezrōkъ*, **bezstudъ* 'бесстыжий', **bezumъ* и т. д. мы не хотим сделать вывод, что авторы Праславянского словаря не допускали их наличия в праславянской лексике. Просто обманчивая регулярность модели, вызывающая и у нас в некоторых подобных случаях мысль о параллелизме, т. е. о чем-то возможно позднем и независимом (послепраславянском), подсказывала им менее рискованный способ, когда отдельно указываются на своих алфавитных местах все участвующие компоненты: **bez**, *borda*, **čedo*, **golva*, **rogъ*, **studъ*. Но в том-то и состоит разница между грамматикой и словообразованием, с одной стороны, и словарем — с другой стороны, что даже самые богатые и капитальные грамматические описания и очерки словообразования имеют принципиальное право оставаться сводом моделей словоизменения и словообразования, приводя в лучшем случае много примеров, но никогда не приводя всех, тогда как словарь — не индекс моделей, словарь кодифицирует все слова. Теоретическая возможность слова **bezrěkъ(jь)* 'не имеющий реки' в праславянском еще не означает его реального существования, одного лишь наличия известной модели и необходимых компонентов **bez* и **rěka*, а также вероятных речевых контекстов вроде **bez rěky* недостаточно, поэтому мы в своем Этимологическом словаре, как правило, менее подробны лишь тогда, когда сомневаемся в реальном наличии или не видим достаточного материала свидетельств.

Это подводит нас к проблеме сочетания имплицативного и эксплицативного подходов в словаре такого типа. Естественно, что словарь содержит в свернутом виде очень многие регулярные и не лексические особенности языка. Например, основная словарная форма глагола **biti* имплицитно (т. е. как бы заключает в себе без упоминания) личные формы **bijō*, **biješi*, **bijetъ*, **bijemъ*. . . , формы разных времен, залогов, причастия **bijotъ*, **bitъ*. Морфологическая заданность и регулярность позволяет трактовать эти формы в словаре имплицитно, т. е. не выделять их в особые словарные статьи. Эксплицитно трактовать, т. е. излагать словарь должен только то, что фактически лексикализовано. Праславянский словарь и Этимологический словарь славянских языков под внешне одинаковым заглавным словом *bitъ* приводят различный материал: первый дает страдательное при-

частие прошедшего времени *bitъ*, а второй — субстантивное **bitъ* 'палка, жердь', 'удар'. Добавим, что Праславянский словарь не дает этих субстантивных значений, а наш Этимологический словарь, в свою очередь, обходится без упомянутых морфологических, т. е. нелексических случаев. Из внутрипарадигматических грамматических форм в Этимологическом словаре трактуются как равноправные заглавные слова словарных статей всяческие случаи супплетивизма вроде **azъ* — **mene*, **esmb* — **byti*, где налицо примат лексического над грамматическим.

Композиция материала в словаре и вообще формальные приемы лексикографического дела небезразличны для проблем лексикологии. Через эти лексикографические акценты (распределение слов по важности места в словаре, соотношение отсылочных и основных вариантов) получает выражение наша лексикологическая концепция. Кстати, об отсылочных словах, практика которых весьма укоренилась. Отсылочное слово — чисто вспомогательная лексикографическая категория. Имея свое алфавитное место, оно во всем остальном трактуется как форма второстепенная. Лексикограф решает в конечном счете сам, какое слово основное, а какое — отсылочное. Праславянский словарь регулярно прибегает к отсылкам. Вот одно место I тома, где их особенно много (полстраницы): *bratrana* см. *bratana*; *bratrĕnъ* см. *bratĕnъ*; *bratrikъ* см. *bratikъ*; *bratrina* см. *bratina*; *bratriti* см. *bratiti*; *bratrъ* см. *bratъ*; *bratrĕja* см. *bratĕja*; *bratrĕn'ъ* см. *bratĕn'ъ* и т. д. (стр. 360). Именно обширность этого пассажа порождает у нас некоторые сомнения в правильности такой практики. Из удобного приема отсылка грозит перерасти в категорию оценки, так как она не просто «отсылает», но и квалифицирует, решает, какое слово основное, а какое — «отсылочное». Здесь наличествует момент составительского произвола. Заметим, что у бегло упомянутых *bratrъ*, *bratĕсь*, *bratrĕja*, *bratrĕn'ъ* есть свои соответствия в других и.-е. языках, сигнализирующие возможную древность формы и не распространяющиеся на варианты *bratъ*, *bratĕсь*, *bratĕja*, также имеющие собственные и.-е. параллели, но уже меньше. По-видимому, это более молодые образования. Избрав последние в качестве основных, Праславянский словарь не всегда полно освещает оригинальность образований *bratrъ* и производных, напр., упущено соответствие слав. *bratĕсь* — умбр. *fratreks* и слав. *bratrĕn'ъ* — лат. *fraternus*. Может быть, тут дело в неудачном распределении лексикографических акцентов и надо только поменять местами отсылочное и основное? Но едва ли все станет лучше, если мы напишем наоборот: *bratъ* см. *bratrъ*; *bratĕсь* см. *bratrĕсь* и дадим всю информацию на эти вторые формы. Освещение останется однобоким. В языковой действительности — наблюдаемой или реконструируемой — нет деления на второстепенные и основные слова, поэтому невольно начинаешь задумываться над полезностью этого деления в лексикографии, особенно если учесть реальную возможность обратного негативного

наложения лексикографической практики на лексикологическую теорию. В Этимологическом словаре славянских языков нет отсылочных статей, что было уже отмечено критикой. Можно думать, что практика отсылочных словарных статей — это остаток гнездового принципа, от которого лексикографы в основном уже отказались в пользу адекватной трактовки 'словарная статья' = 'отдельное слово'.

Мой опыт сравнения заведомо неполон и содержит изложение некоторых наиболее важных, как мне казалось, вопросов, которые могут представить общий интерес. Мы присутствуем при начале многотомных продолжающихся изданий. Можно продолжить и параллельное чтение. Это сопоставление не преследовало цели обязательно выяснить, что один словарь «лучше», а другой «хуже», хотя различия в их подходах к одному предмету всегда привлекали наше внимание. Главное внимание необходимо обратить на самый предмет исследования — древнюю лексику всех славянских языков, изучение которой в обоих словарях разными путями продвигается вперед.

Л. В. Куркина

ИЗОГЛОСНЫЕ СВЯЗИ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ. II¹

Инвентаризация лексических изоглосс ю.-слав. языков является одним из тех путей, которые ведут к пониманию процесса становления и развития языков в условиях Балканского языкового союза. Последовательное рассмотрение изолексов одного из ю.-слав. языков — словенского — чрезвычайно важно для определения особенностей языковой ситуации на крайнем западе славянского мира. Словенский язык — это и унаследованная система, и субстратные отложения, и различные инновации, сложившиеся в условиях симбиоза языков западного ареала. Представление словенского языка как совокупности многообразных линий частичных схождения и расхождения со славянскими языками существенно для выводов о первоначальном членении праславянского по данным лексики.

Проблема диалектной дифференциации ю.-слав. языков на материале лексики получила освещение в фундаментальном

¹ См. Л. В. Куркина. Изоглосные связи южнославянской лексики (Материалы к проблемам славянского этногенеза). «Этногенез славян». М., 1977.